

РАЗМЫШЛЕНИЯ У АФИШИ

Я. ФЕЛЬДМАН.

Кандидат «искусствоведения,
театральный обозреватель
«Правды Востока»

тные потенции, в нее вошли нивы завоевания драмы и театра. Она насыщена острой политической мыслью. И это требует от исполнителей широкого кругозора и разносторонних познаний.

В репертуаре первой декады представлены еще два направления, традиционных для советского театра, в том числе и для нашего таджикского театра. Это классика — «Власть тьмы» Л. Толстого и современная зарубежная пьеса «Странная миссис Сэвидж» Дж. Патрика и «Сверчок» Т. Кожушина.

В рецензиях отмечались серьезность и глубина спектакля «Власть тьмы» и его художественная цельность. Я к этому присоединюсь. И все же, когда в год пятидесятилетия оцениваешь эту работу, когда критериями становятся те высокие требования, что были заявлены в этом году на Всесоюзной конференции, посвященной современному прочтению классики, то, оказывается, в целом наш спектакль не стал новым вкладом в общее движение за новаторское прочтение классического наследия. Интерес и новизна его локальны.

Не подлежит сомнению и верность идейного прочтения «Странной миссис Сэвидж»: обычные человеческие побуждения и гуманные поступки в безумном мире бизнеса кажутся странными. Это особый разговор, но мне кажется, что и эта роль, и весь спектакль проявили бы более глубокое впечатление, если бы режиссерская концепция была точнее. Нечеткость художественного решения спектакля уже сказывается: все менее в нем происходит столкновение характеров и все более в нем играет остро сюжетная линия.

Еще более «покатился» по рельсам чисто сюжетным, по пути обыгрывания лишь сценических волокон — «Сверчок». Год назад рецензент этого спектакля справедливо писал, что удача «Сверчка» в том, что «в нем есть и мысль, и неподдельная веселость. Но во всех внешних представлениях, увы, это снажешь. В репертуаре театра, может быть, и должен быть спектакль такого плана — веселый, остроумный и озорной. Но тогда надо следить за тем, чтобы он сохранял эти качества, а не превращался в сумму просто эксцентрических, просто потешающих зрителя эпизодов-номеров. К тому же естественно предположить, что спектакль, который идет чаще других, особенно дорог театру, что именно в нем с наибольшей полнотой выражается идейная и творческая позиция художественного коллектива. Но вряд ли «Сверчок» и даже «Странная миссис Сэвидж» могут на это претендовать. Между тем из 11 спектаклей первой декады семь принадлежит именно этим двум названиям.

Теперь мне осталось сказать только об одном спектакле, кото-

рый, видимо, в силу причия очень уважительных, не вошел в афишу первых дней. Я говорю об инсценировке «Они сражались за Родину» М. Шолохова — «Поли вьет». Об этой постановке, которой уже больше двух лет, писали и местные критики, писала и столичная пресса. И справедливо высоко ее оценивали. Мне остается лишь сказать, что в сегодняшнем репертуаре театра имени Горького она пока осталась самым крупным и значительным явлением. В тех сценах, где театр чувствует живое шолоховское слово, где он глубоко проникает во внутренний мир человека и мир природы, передает искрящийся юмор, лиризм, драматизм и трагизм повествования, где он достигает мастерства эпической композиции. — во всех этих гранях искусства торжествуют завоевания социалистического реализма. Разумеется, речь идет не о том, чтобы объявлять единственно ценными постановки подобного героико-масштабного направления. Имеются в виду не тема и не приемы постановки, а наличие высоких по нравственным идеям произведений, поиски своей формы спектакля, которая может наиболее полно, эмоционально-выразительно передать его суть. Речь идет о том, чтобы, ставя героико-монументальные эпические произведения, раскрывать судьбы, конкретные неповторимые характеры людей. О том, чтобы при воплощении семейно-камерных, психологических пьес расширять их границы, их общественную атмосферу, усилить социальную активность их звучания.

Словом, речь идет о том, чтобы повысить общественно-философский, интеллектуальный уровень самого репертуара и его воплощения. Мы ждем этого от новых спектаклей нашего театра. Тогда, наверное, его вклад в воспитание зрителя и его участие в решении творческих проблем современного сценического искусства будет шире, крупнее.

Важно, очень важно также сохранять лучшие из спектаклей, уже поставленных, поддерживать то хорошее, что было в них введено. Я уверен, что ни театр, ни зрители не увидели во мне «отрицателя» названных «старых» постановок. Большинство из них пользовалось (да и пользуется) заслуженной популярностью и делает свое доброе дело. Но я сосредоточил внимание не на положительных их сторонах, а на недостатках, на тех потерях, которые они понесли. Значит, говоря языком наших дней, необходимо, чтобы в театре должным образом была поставлена «служба слежения» за «трагикой полета» спектакля.

Мне думается, что то, о чем здесь написано, в какой-то мере отнесется и к другим театральным коллективам, в не только к Таджикскому театру имени Горького. А ответственность у всех равно велика — сезон, когда будет отмечаться великий праздник, должен быть особенно талантливым и деловитым.

МИНОВАЛО лето... Начался новый театральный сезон — сезон особый в жизни всего советского театра, открывающийся в год пятидесятилетия Великого Октября. В эти дни острее, чем обычно, чувствуешь ход времени, требовательнее, чем всегда, оцениваешь сегодняшнее состояние театра.

Республиканский русский драматический театр имени Горького объявил репертуар на первые десять дней.

Афиша открытия в каком-то смысле «лицо театра». Особенно в юбилейный год. Даже если театр испытывает разного рода трудности ее формирования.

Ни для театра, ни для зрителя не новость, что раскрыть во всей полноте процесс создания нового мира, выявить новые черты советского характера, рожденное революцией и социализмом, — вот та главная задача, о которой праздник напоминает с особой силой. Как же представлены пьесы этого плана в репертуаре декады? Всего двумя названиями из семи: драмой Л. Шейнина «Тяжкое обвинение» и инсценировкой романа И. Шамкина «Сердце на ладоши». Немало ли количественно (особенно если учесть, что среди одиннадцати первых спектаклей названные пойдут по одному разу) и достаточно ли весомы эти две постановки для такого солидного коллектива, как наш русский театр? Слов нет, роман белорусского писателя интересен. Нельзя не оценить инициативу театра и не вспомнить, что первые представления этого произведения прошли в дни декады белорусской литературы и искусства в Узбекистане. В спектакле сейчас слишком сильна sentimentalная интонация, а уровень перевода повествовательного материала на язык драматургии оставляет желать лучшего.

Что касается «Тяжкого обвинения», я скажу сейчас лишь одно: конечно, это серьезная постановка. Но далеко не все идейно-художественные возможности пьесы реализованы в постановке; и тому же пьеса эта рядом с другими, открывающими другие существенные стороны нашей жизни, лучше бы «читалась». Но таких произведений нет в афише первой декады. Их нет и в том резерве «текущих спектаклей», который, наверное, будет использован далее. Ни «Судебная хроника», ни добротный сделанный спектакль «Украл ли консула», ни тем более «Свадьба на всю Европу» не могут опровергнуть это утверждение.

Особое место занимает в репертуаре театра «Кровавый мир» С. Азимова. Обращаясь к произведениям узбекских авторов, русский театр такого рода постановками, несомненно, открывает путь пьесе на всеобщую сцену. Уже одно это чрезвычайно повышает ответственность коллектива. Идея «Кровавого мира» о дезградации, полном моральном и человеческом падении жалкой группы эмигрантов-отщепенцев, о немезийном крахе их националистических планов, поддерживаемых разведками различных буржуазных государств, о пагубности отрыва от своей родины и своего народа — все это звучит в русском спектакле выразительно.

Однако суть драмы могла бы быть выражена еще многограннее и интереснее. Для этого необходимо полнее использовать то укрепление «позомитивного» вычлала, которое наблюдается в переработанном и обновленном варианте пьесы. Для этого хотелось бы меньше «лобовых» актерских решений. Конечно, «Кровавый мир» — драма открытого публицистического характера. Это ее жанр. Но сегодняшняя публицистика — это не «агитка» начала двадцатых годов. В ней важны